

ГОРАН ПЕТРОВИЧ

Осада церкви
Святого Спаса

Магистраль. Балканская коллекция

Горан Петрович

Осада церкви Святого Спаса

«ЭКСМО»

1993

УДК 821.163.41-31

ББК 84(4ЮгС)-44

Петрович Г.

Осада церкви Святого Спаса / Г. Петрович — «Эксмо»,
1993 — (Магистраль. Балканская коллекция)

ISBN 978-5-04-204190-7

Магический реализм от Горана Петровича. Герои мигрируют из сна в явь и обратно. Во сне можно путешествовать во времени, злодеи во сне могут ограбить и убить, могут украсть все идеи и задумки. Даже беременность можно спрятать во сне, правда, длиться она будет в три раза дольше обычного, зато в реальной жизни никто ничего не заподозрит. Тринадцатый век. На обитель Святого Спаса наступают болгары и куманы. Со своими жуткими атрибутами, мрачностью и кровожадностью они встают в один ряд с любым «войском мрака» из современного фэнтези. У них зловещие тени, а у предводителя Шишмана шапка из рыси, которая оживает и по приказу хозяина бросается на провинившегося. Повествование растекается по всей истории Европы: коварство легендарного слепца, венецианского дожа Дандоло, захват крестоносцами Константинополя, судьба двух сербских королей Драгутина и Милутина. В романе есть даже свой Воланд – человек с сушеной тыквой, из которой высыпается тьма. У любителей магического реализма роман займет достойное место после «100 лет одиночества» и «Мастера и Маргариты». Основанный на реальных событиях, читается и как историческое фэнтези и как философский роман. «Сегодня окна в оба настоящих времени заложены камнем. Повсюду. Прошлые и будущее, которые нам вроде бы доступны, тоже выглядят совсем не так, каковы они на самом деле. Все настолько перекроено и перестроено, что собственную мать не узнаешь. Говорят, что в последний раз окна всех четырех времен были собраны все вместе в Жиче, в Спасовой церкви, точнее, в келье святого Савы. Но ты должен знать – все они разбиты. Разбиты не только их ставни. И не только сами окна. Это не самое страшное. Разбито все, что через них было видно. Я так долго учу тебя смотреть сквозь время, а ты хочешь растратить в нем свою жизнь!»

УДК 821.163.41-31

ББК 84(4ЮгС)-44

ISBN 978-5-04-204190-7

© Петрович Г., 1993

© Эксмо, 1993

Содержание

Книга первая	9
Первый день	9
Перед церковными вратами, праздник всех праздников и торжество всех торжеств	9
Второй день	11
I	11
II	11
III	12
IV	13
V	17
VI	18
VII	19
VIII	20
Третий день	21
I	21
II	23
III	24
IV	24
V	25
VI	25
VII	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Петрович Г. Осада церкви Святого Спаса

GORAN PETROVIĆ
Opsada crkve Svetog Spasa

© 1993, Goran Petrović

© Савельева Л. А., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ГОРАН ПЕТРОВИЧ

Осада церкви
Святого Спаса

Москва
2024

*И зывали они друг ко другу, и говорили:
Свят, Свят, Свят Господь Саваоф!
Вся земля полна славы Его!*

(Книга пророка Исаяи 6, 3)

Книга первая Серафимы

Первый день

Перед церковными воротами, праздник всех праздников и торжество всех торжеств

И в тот святой час, после бдения и свершившегося полуночия, со славой возложили плащаницу на честной престол в алтаре.

И когда все множество народа стало исходить из Божьего дома, чтобы трижды обойти его крестным ходом, пронося дровки с хоругвями, златотканые Христовы знамена, церковь осталась пустой.

И другое множество взволнованно теснилось по всему монастырскому двору, стараясь протиснуться поближе к пению, которое вместе с крестным ходом все громче продвигалось вдоль самых стен монастыря.

И было так – от пения того постепенно все более жаркими делались огненные искры, которые живут в пурпурном цвете этого храма:

- Воскресение Твое!
- Христе Спасителю!
- Ангелы поют на небесах!
- И нас на земле удостой!
- С чистым сердцем Тебя славить!

А собралось их столько на этот праздник всех праздников и торжество всех торжеств, что многие остались за пределами монастырского двора. И отовсюду, по большой дороге, по проселкам, по крутым горным тропам, из мест, удаленных на несколько дней пути, продолжали идти люди, влекомые заповедью своих сердец. И никто из них: ни достойнейший иерарх, ни преданнейший монах, ни убогий человек Божий, ни даже тот, с глазами цвета тамариска – не подумал бы, что со всех сторон стеной стояла ночь. Потому что колокола во всю ширь раздвигали ночную тьму, а мерцание сотен восковых свечей сливалось в чистейший свет, который своей полнотой превосходил ясный день. Нигде не было ни уголка темноты, в котором могла бы спрятаться тень. Металлический отблеск с куполов заставлял мрак подняться высоко вверх. Перед западным входом каждый, кто обладал даром речи, радостно восклицал:

- Христос воскрес из мертвых!
- Христос воскрес из мертвых!
- Христос воскрес из мертвых!

Тем временем, хотя процессия трижды обошла вокруг церкви, ворота открылись не сразу, точно так же, как не сразу поверили ученики Христовы. Ширился повторяемый всеми псалом Давидов:

- Да восстанет Бог!
- И расточатся враги Его!
- И да бегут от лица Его ненавидящие Его!

Стиху пророческому отвечало пение. Пение тем более усердное, что исходило оно от тех, кто все сорок дней поста добрыми делами, воздержанием от греха и чревоугодия готовил свою душу и тело к благолепному празднику и святому причастию.

– Христос воскрес из мертвых!

И чудесным образом к этому хору присоединились крапивники в кронах деревьев. Нараспев выкрикали и они. Со стороны пчелиных ульев слышалось густое жужжание. Стебли трав шептали, что зреют. Стаи мальков гнали рябь по застывшей воде озера, заставляя ее непрерывно струиться. Воистину это было свершением того, о чем говорят таинственные слова канона: «Всякое творенье пусть славит праздник воскресенья!»

– Христос воскрес из мертвых!

А потом самый старший из всех, архиепископ Иаков, облаченный в великолепный саккос, держа в одной руке золоченый крест, а в другой – серебряное кадило с ладаном, крестообразно окадил закрытые ворота. Церковная дверь, массивная, дубовая, окованная железом, по этому знаку распахнулась в притвор. И все, по порядку и иерархии, и все другие, стали заходить в храм. Снова на восток. Как и Христос из самой глубокой части земли достиг самого высокого неба.

– Христос воскрес из мертвых!

Сразу за его преосвященством Иаковым ступали пресвитеры, дьяконы, иподьяконы и чтецы. За ними следовали певчие во главе с протопсалтом. Рядом с монастырским игуменом, преподобным Григорием, шел особо важный гость, королевский духовник Тимофей. Его направил в некогда архиепископский монастырь сам великоименитый Стефан Урош II Милутин, по воле Божьей властелин земли сербской и поморской, с тем, чтобы доставил оттуда частичку пасхального канона св. Иоанна Дамаскина, который поют, конечно, повсюду, и в церквях Скопье тоже, но именно в Спасовом доме звучит он особенно радостно.

– Христос воскрес из мертвых!

Потом шли эконом и экклезиарх. Грамматик, ризничий и казначей. Старцы с умиленными сердцами. Молодые монахи и послушники. Затем свита архиепископа Иакова, он, преданный своему делу, уже завтра отбывал в Печ по неотложной надобности.

– Христос воскрес из мертвых!

За людьми церковными следовали миряне. Среди них со слугой своим и купец из Скадара, возвращавшийся с севера и воспользовавшийся в пути здешним гостеприимством. И еще один больной, которого поддерживали другие люди, просил дать ему место. И еще, и еще, столько людей, сколько могла вместить церковь Святого Спаса.

Жича наполнялась запахом ладана, как утренним миром мироносиц, которые, ища мертвого, поклонились Живому.

Жича наполнялась светом, как огнем негасимым.

Жича наполнялась великим, победным пением. И тихим разговором...

Второй день

I

О древнем горнорудном деле у византийцев

Всю раннюю весну по небу над Битинией плывут огромные горы облаков. Коварные морозы обращают в лед выманенные обманом звезды. Тем не менее с конца месяца марта прорываются первые искры. Громады тумана неохотно раздвигаются. Напоследок, одна за другой, со стонами и скрипом, прощаются со своим могуществом. Некоторые совсем исчезают. Свет, теперь уже ничем не стесняемый, со все большей силой вырывается из далеких глубин, по всей ширине небесного свода начинают проглядывать созвездия, круг луны переполняется. Лунный свет, пенясь, длинными струями низвергается с высоты.

Внизу, на земле, мощные песчаные насыпи разделяют дороги и поля. Одним склоном они защищают пути от паводков, другим – охраняют от воров россыпи лунного света. На рассвете начинается сбор урожая. Все, к чему прикоснулись первые солнечные лучи, – это серебро. Тот лунный свет, который зреет в полях до полудня, набирает силу и обращается в груды свинца. А тот, что остается до прихода оранжевого заката, становится железной рудой. Следующей ночью все повторяется. Луна снова наполняется светом, сияние переливается через край и беззвучно рассыпается по просторам Восточной империи.

По указу василевса в такие ночи не позволено выходить за городскую стену. Тяжелое наказание неминуемо настигнет и всякого неосмотрительного, у кого лунный свет обнаружат на подошвах, и уж тем более отчаянного, попытавшегося спрятать его в суме или за пазухой.

II

Однажды такой ночью

Однажды такой щедрой ночью, почти за пять лет до яви и дневного света, царица Филиппа во сне покинула свою опочивальню, во сне вскочила в седло и во сне незаметно выбралась за реальные очертания городских укреплений Никеи. Вторая жена кира Феодора Ласкариса, армянка с угольно-черными глазами и темными волосами, часто покидала своего господина во сне. Не делать этого она не могла, желания ее находились слишком далеко, а на всех перепутьях и перекрестках стояла стража. Чем больше наполнялась луна, тем глубже погружался в сон царь, так что и в эту плодоносную ночь Филиппа втайне от всех передвигалась по битинийским полям, отдавшись течению собственных стремлений. Белый конь скакал по колена в лунном свете, сияние которого изливалось непрерывно, одежды императрицы тотчас стали влажными, а тело ее подверглось нападению бесчисленного множества сверкающих искр, которые постоянно жалили ей щеки, руки и обнаженные голени.

Вдруг белый конь, заржав, поднялся на дыбы. Впереди, посреди беспутья, стоял какой-то монах с длинными волосами и бородой. Беспокорные волны лунного света разбивались о его босые ноги, как о скалистый утес. Молодой женщине едва удалось справиться с уздечкой, плащ от ветра соскользнул с ее плеч. Вслед за плащом упало и легкое покрывало, обнажив судорогу страха:

– Кто ты такой?! Что тебе нужно в моем сне?! Прочь с дороги, незнакомец!

Монах, однако, всего лишь отвел взгляд. Острый луч рассек тонкое полотно, в которое была одета всадница, – ее грудь, похожая на только что сорванные яблоки, была прикрыта лишь тончайшей накидкой из прозрачного света.

– Кто ты такой?! Знаешь ли ты, что перечишь воле Филиппы, жены василевса Феодора Ласкариса, властелина Никейского царства! – повторила правительница в паузе между двумя шумными волнами лунного света, и к страху добавились морщины.

– Да, я знаю о тебе, Филиппа, – ответил наконец монах. – Не бойся, я иду по своим делам. Я вне твоего сна. Огромное, неоглядное пространство для всех разветвлений сна едино. Вот мы и встретились в этой области провидения. Ты из Никеи бежишь, а я направляюсь в Никею, несу сыну нужный ему совет.

Царица почувствовала облегчение. Она уже хотела потянуть уздечку, чтобы проехать мимо путника, но монах вытянул вперед обе руки:

– Постой! Неужели ты думаешь, что наши пути скрестила случайность? Послушай меня. Я не собираюсь показываться на глаза твоему мужу. Никакой особой нужды в этом нет. В пяти годах отсюда, в Никее, куда я сейчас иду, жену кир Феодора Ласкариса, его третью жену, будут звать Мария Куртенэ! Ты же останешься в памяти всего лишь как вторая, та самая, бесплодная, из Малой Армении. Поэтому, Филиппа, даже не возвращайся! Этой ночью ты зачнешь и станешь матерью, но тебе не суждено родить в столице Византии!

Царица Филиппа, изумленная, задрожала, подхватила свой плащ, прищипорила коня и галопом устремилась в то ответвление сна, где бурлил источник ее намерений. Вскоре, закутанная в витые края ветра, она исчезла за горизонтом по сменяющейся ей дороге.

III

Серебряные зерна и узорный пояс звуков

Итак, на пять лет дальше, сразу после благолепного божественного праздника Христова воскресения, когда он был посвящен в сан архиепископа сербского, перед возвращением на землю отечества, неподалеку от развилки марта и апреля, последней ночью в Никее, явился неожиданно в сон к Сава родитель его, святопочивший монах Симеон. Седая борода и волосы некогда могучего самодержца, милостивого великого жупана Стефана Немани были влажными после долгого пути под звездными искрами. По мокрой рясе на каменный пол Савиной кельи капля за каплей стекал блеск луны. Вокруг босых ног путника уже скопилось множество крупных и мелких зерен. Битинийская ночь была особенно тиха, только откуда-то издалека едва доносился шум ткацкого станка, который из тончайших нитей криков совы, монотонного стрекотания сверчков, тяжелого дыхания земли, журчания воды и редких звуков человеческих голосов ткал внешний вид времени.

– Отец, откуда ты? – прошептал застигнутый врасплох Сава, поворачиваясь в постели. – Что тебя заставило навестить меня, странствующего, под сводом далекой Никеи? Разве ты не знал, что завтра я отправляюсь к тебе, чтобы на могиле твоей в Студенице, воссияв, объявить, что наша церковь обрела самостоятельность?

– Мне хорошо известно, утеха души моей, и твои пути, и что у тебя на сердце лежит, – ответил Симеон спокойно, как и пристало говорить тем, кто давно привык точно отмерять слова. – Твои глашатаи уже широко разнесли весть о великой победе. Уже высоко вверх звонят колокола, живым звоном оповещая о твоём рукоположении. Но ты завтра отправляешься в путь, и какой отец отпустит своего сына без совета. Воды будет от источника до источника, соли в заструге у тебя достаточно, хлеба, без сомнений, хватит до Солуна, однако нога может заплутать, а душа свернуть не в ту сторону.

Луна скрипнула на небе. Сияние наполнило ее до краев. На землю пролились новые лучи. Ветер Тиховой с шелестом запутался в ветвях деревьев. Откуда-то протяжно подал голос волк. Послышались окрики, звяканье оружия царских стражников. Должно быть, заметили кого-то в полях лунного света. Далекий ткацкий станок закончил ткать узор и зазвучал громче, плотно сплетая нити в пояс времени.

– Дитя мое, прошу тебя держать в уме то, что сейчас услышишь, – продолжал Симеон. – Завтра утром вселенский патриарх Мануил Сарантин одарит тебя благословением, грамотами, поучениями, святым жезлом, достойнейшим одеянием. И василевс византийский, кир Феодор Ласкарис, защитник Ромейского царства, не захочет отстать от него, пожалует всему твоему роду разрешение добывать в полях лунный свет, тебе же подарит четырех мулов с пурпурными выючными седлами. В придачу, как груз для мулов, эти двое милосердных будут предлагать тебе и огромные богатства. Спросят, желаешь ли взять серебряные и золотые сосуды, евангелия в окладах с драгоценными камнями, златотканые покровы и занавеси и бесчисленное множество других сокровищ. Но ты, сын мой возлюбленный, от всего этого откажись. Пусть все предложенное тебе патриарх и царь пожертвуют монастырю Хиландар, украшению Святой Горы. Ты же, свет очей моих, испроси для себя четыре никейских окна. Запомни, проси патриарха и царя дать тебе только четыре окна.

– Четыре окна?! Зачем же я привез из Царьграда и греческих земель искуснейших камнерезов! Родитель, зачем мне сейчас из Никеи тащить с собой окна, да еще на пурпурных седлах?! – беспокожно заворочался Сава, и сон его чуть было не опрокинулся туда, где явь.

– Выслушай до конца, – шепотом преградил ему путь Симеон. – Не просыпайся, не делай напрасными мои усилия. Ты ошибаешься, ценность окна не в том, из чего и насколько мастерски оно сделано, а в том, что через него видно. Первое окно проси то, на которое прилетает ласточка патриарха. Вторым и третьим пусть будут окна, возле которых царицы провожают и встречают своих государей, когда те отправляются на битву и возвращаются после нее. А четвертое, которое ты должен потребовать, это то, на котором отдыхает двуглавый орел самого василевса. И вот еще что, Сава, на чужбине любые сны, кроме снов об отечестве, с трудом задерживаются в памяти, и если ты позабудешь, что я тебе говорил, отправляйся с утра на площадь, найди человека – слепого, который широко видит, – и купи у него то, что он ткет в темноте. Вот и все, что я хотел тебе сказать и зачем приходил, а теперь смотри сны, какие сам хочешь.

Так сказал монах Симеон. И исчез без следа. Лишь на полу в келье остались тысячи рассыпанных переливающихся зерен лунного света.

А сам Сава в ту последнюю ночь в Никее действительно продолжал спать и видеть сны. Он знал – во сне дороги особенно богаты направлениями. Снился Саве монастырь Филокал, где он собирался отдохнуть по пути назад, в страну Рашку. И снился ему монастырь Жича, в котором он сразу после возвращения намеревался закончить строительство церкви Святого Спаса. И еще снился Саве монастырь Студеница, куда хотел он напоследок удалиться, чтобы в одиночестве как следует обдумать разные богоугодные дела. Может быть, снилось ему и еще что-то, но все видимое в конце концов попадает в те сферы, где правит безвидность.

IV

Разговор на площади, какой пояс приличествует монашеской рясе

Между тем, проснувшись с первыми лучами солнца, его преосвященство никак не мог вспомнить, что с ним происходило, пока он спал. Вернее, он еще худо-бедно припоминал и Филокал, и Жичу, и Студеницу, но вот с кем во сне разговаривал – никак. Тем не менее о том, что кто-то его навещал нынче ночью, свидетельствовали рассыпанные по полу зерна лунного света. Ноги по щиколотку погрузились в них, стоило ему встать. Стараясь и так и сяк вызвать в памяти сон, Сава с хиландарскими братьями отправился на литургию. По выходе из церкви на него снова навалилось то же мучение. Полагая, что следовало бы разузнать свежие вести о положении на дорогах – сведения, необходимые в случае, когда собираешься отъехать от города даже на расстояние тени его стен, Сава выбрал улицу, по которой толпа стекала

на главную городскую площадь, уже до краев наполненную выкриками продавцов птиц, сушеных фиников, безделушек, дубленой кожи, бальзамов, шерсти, мельниц для перца, фальшивых и настоящих реликвий. Вдруг среди всего этого гама он заметил слепого старика, молчаливого на вид, а в руках у него одну-единственную вещь, которую он продавал, – кусок ткани длиной в столько звуков, сколько их вмещает промежуток времени от сумерек до рассвета.

– Святогорцы, куда так спешите? Погодите!

– Вот губка, пропитанная кровью мученика!

– Стекло со слезой Марии Магдалины!

– Прутья, которыми хлестали Иисуса...

– Натаф!

– Гальбан!

– Порошок из оленьего рога! Отбеливает зубы! Раз почистил – улыбайся десять дней!

– Не хочешь – не надо! Не мое дело, ходи хоть всю жизнь хмурым!

– Натаф! Натаф! Ароматические ракушки и гальбан! Нет хорошего ладана, если их не добавишь!

– Пою хвалебные песнопения, веселые свадебные песни и грустные соболезнования! Десять песен всего за одну миногу или кусок тунца! Пою хвалебные песнопения, веселые свадебные песни и грустные соболезнования...

– Погляди на эту рыбу! Сам domestikus такую нечасто ест! Только вчера поймали! У каждой брюхо набито свежестью, петрушкой и молотым миндалем!

– Отгадываю любые загадки, кто бы их ни выдумал, Евстатий Макреболит, ученейший Никифор Просух или сам достойнейший Ауликалам! Не угадаю – плачу сам!

– Поле – белое, волы – черные, пастух – перо. Кто угадает – молодец!

– Письмо!

– Давай следующую, но на кон в десять раз больше: видел я, господин мой пресветлый, внутренним взглядом юношу-старца, двояко воплощенного в одном лице, высокого и приземистого, нетвердого и крепкого, светоносца, несущего тьму, палача и целителя, который одних из-под земли извлекает, а других в землю загоняет, всех спасает, кого уничтожит, опять из них новое создает?

– Примочка на шею, мелко нарезанный дождевой червяк!

– Сушеное вороново сердце! Каждому, кому нужна удача в игре! Одно сердце – один золотой! Сушеное вороново сердце!

– Хитоны!

– Предсказываю судьбу! Гадаю по печенке, по лопатке, по пятке, по пшеничным зернам! Узнай, что ждет тебя завтра! Если ошибусь – отдаю деньги назад!

– Ты, я вижу, простак, не слушай его! Это же обычный бродяга! От Гераклеи и до самого Милета нет города, откуда бы его не изгоняли по крайней мере два раза! Он не знает даже, чем ты будешь ужинать! Если тебе нужно настоящее предсказание, то, ей-богу, считай, тебе повезло, что ты меня встретил! Ко мне хоть из Эпира, хоть из соседних сел народ идет, чтобы лично я истолковал им гороскопы, громовники и трепетники!

– Хозяйка, красавица, не стыдись, подними взгляд! Клянусь святым Андреем Первозванным, похлебка в этом котле хоть три дня простоит, не прокиснет!

– Из серебра кованые крепкие ноги, сильные руки и острые глаза! Если, не дай Бог, твои тебе плохо служат, не трать деньги на медикусов, купи пластинку с изображением, приложи к больному месту и пожертвуй чудотворной иконе!

– Страусиные яйца! Если связать их и подвесить на балку, твой жалкий шепот будет звучать как приказание владыки! Где ты еще такое видал?! Всего за один гиперпирон самая бедная лачуга зазвучит как настоящий дворец!

– Птица породы фаэтон! Ее песни сами императрицы носят на шее, нанизанные как бусы!

- Сам посмотри! Пара бекасов-куликов!
- Дрозд! Черный дрозд! Самая полезная птица! Обещаю, с утра пораньше всех клещей в саду уничтожит! Сможешь без страха ходить босиком по молодой траве!
- Настоящий ибис! Честью клянусь, перьев ему не красил!
- Тихие истории, рассказываю рассказы, тихие истории, рассказываю рассказы...
- Подойди, попробуй! Почти не ношенный, совсем новый титул протоспатиара!
- Корица!
- Смирна!
- Алоэ!
- Эбеновое дерево!
- Приятель, отвали-ка! Нюхать пришел?! Смотрите, какой умный, решил бесплатно нанюхаться сандала?! Пошел вон, слышишь, пока я тебе нос не расквасил!
- Мука из бобов! Для омоложения кожи лица! Старух превращает в девушек!
- Молитва против беглого раба!
- Против бессонницы!
- От неуверенности в себе!
- За выигрыш судебного дела!
- Против зубной боли!
- Чтоб не потонуть, переправляясь через реку!
- Против задержки мочи!
- Не стесняйся, только шепни, что тебя мучит!
- Торговую временем! Покупаю любое, даже самое короткое настоящее! За прошлое даю будущее, будущее меняю за некогдашнее!
- Солнечный день с Самоса!
- Самая прекрасная неделя из Ахай!
- Три осенних месяца с Лемноса!
- Тот год, когда Константинополь был в зените своей славы!
- Сабах хайросум! Торговаться? Если ты христианин, отдам задаром будущие столетия, связанные вместе, их привезли прямо с базара из Иконийского султаната!
- Вести с царских дорог!
- Ослиные копыта! Возьми для мужа против облысения!
- Старец, сколько стоит твоя работа? – спросил Сава, как только ему удалось пробиться через все эти выкрики.
- Мне нужно только одно обещание, – ответил слепой старик, который, казалось, только и ждал Саву с этим вопросом. – Твердое слово твое и всего твоего рода. Обманешь, долг будет большим, таким большим, что, если душами следующих поколений будешь расплачиваться, на сто поясов отсюда, это будет не больше соломинки по сравнению со стогом!
- Что?! Несчастный! Как ты разговариваешь! Воистину, ты слеп, раз не знаешь, что перед тобой архиепископ сербский! – накинулись на него хиландарские черноризцы.
- Не возводи хулы! Каждое слово Савино крепче камня! Пустых слов нет у него!
- Хм, – пожал плечами старик. – И правда, земного зрения у меня нет, однако и те, у кого оно есть, пользуются им нечасто. Тем не менее я знаю, что даже самое короткое слово длится дольше человеческого века, а коль есть что-то настолько длинное, значит, оно может и запутаться, и порваться.
- Итак? Чего же ты требуешь? – снова спросил Сава.
- Я хочу, чтобы ты, как придешь в свои покои, хорошенько вытрусил эту ткань, которую я соткал сегодня ночью из звуков. А когда сделаешь это, пусть никто – ни ты, ни весь твой род, как до, так и после тебя, – никогда не открывает два окна одновременно...

– Потому что будет страшный сквозняк! – пошутил один из монахов, достаточно молодой, чтобы вступить в спор относительно предмета насмешек.

– Потому что поднимется такой сильный ветер, что сдует не менее двух горизонтов!

– Такой, что нам всем придется зажмурить глазки!

– Такой, что, может, он в конце концов сровняет горы с землей, и нам не придется ломать ноги по крутизне! – загалдели и остальные братья – ведь трудно удержаться от зубоскальства, хочется хотя бы попробовать.

Сава, однако, утихомирил монахов. Смехом легко подпоясывают себя артисты, певцы, а в осенние дни и виноградари. Рясе же не приличествует такое поверхностное украшение. Рясе достаточно и грубой веревки.

– Крепко подвязанной, чтобы ваши тела постоянно помнили о сдержанности, страданиях Христовых и обязанностях, вытекающих из веры отцов, – выговорил он двоим, самым шумливым.

Взяв у слепого старика пояс, Сава пообещал ему все, о чем тот просил, и направился в свои никейские покои, пробираясь сквозь выкрики толпы, которая сейчас на площади, забавы ради, глазела на то, как наказывают какого-то вора, укравшего лунный свет.

– Мальй, постереги тут мои прибаутки, охота хоть одним глазком поглядеть! Вернись, расплачусь с тобой стишками!

– Эй, дружище, палач-то уже здесь?

– Здесь.

– И колода готова?

– Готова.

– А топор?

– И топор. Ну что ты ко мне пристал?! Хочешь, чтоб я тебе все задаром пересказывал?! Если ты такой любопытный, давай две трески, и я уступлю тебе место в первом ряду!

– Молчишь?! А то все спрашивал, спрашивал, то одно, то другое! Все уши прожужжал! Теперь жмотишься?! Неужели пропустишь такое представление?!

– Ну, ладно, скряга, я согласен и за одну рыбку, только смотри, чтобы тебе кровью хламиду не забрызгало!

– Надо же, вот бедняга! У кого же ты крал лунный свет?!

– А этот-то откуда взялся?!

– Ну-ка, подвинься!

– Эй, ты, головастый, тебе говорят, пригнись!

– Ты чего, ты чего?! На слабого руку поднимаешь?! Какой боевой! Я и не думал тебя оскорблять, просто сказал, что ты своей тыквой мне все загораживаешь!

– Спорим, что ступня, которую ему отрубят, потом еще по всей площади плясать будет!

– Ну что я говорил?! Смотри, как скачет!

– Прямо как под музыку цимбал и барабана с тарелками!

Вступив в мертвую тишину кельи, его преосвященство высоко поднял ткань. Потом сильно встряхнул ее. В тот же миг вся ткань распустилась.

Келью наполнили звуки прошедшей ночи. Сава снова услышал крик совы, скрип луны, шум ветра, вой волка и сказанные в его сне слова родителя:

– Дитя мое, попроси у вселенского патриарха и византийского императора погрузить на мулов под пурпурными седлами четыре окна. От всего остального хочешь отказывайся, хочешь не отказывайся, но четыре окна проси, потому что без них ты ничего не узиришь, потому что без их горизонтов церковь Святого Спаса останется слепой.

V

Был полдень, час печального расставания

Вскоре, когда пришло известие, что состояние на дорогах удовлетворительно – ширина соответствует предписанной, то есть шести шагам, нет ни разбойников, ни завязанных узлом перепутий, для вселенского патриарха Мануила Сарантина Харитопулоса и византийского императора Феодора Ласкариса настал печальный час прощания с архиепископом сербским Савой. После множества слов, которыми они выразили свою любовь, патриарх и василевс сказали Саве, что готовы одарить его своим благословением, советами, жезлом, одеянием, простагмой на разработку рудников лунного света, а еще, в качестве особой чести, четырьмя мулами под пурпурными вьючными седлами. И еще спросили, какими другими дорогами его сердцу дарами навьючить этих мулов. На все это Сава поклонился и ответил:

– Сердцу моему было бы в радость, если прошу не слишком многого, чтобы честнейший патриарх и премудрый царь одарили меня четырьмя никейскими окнами.

– Какой странный гость...

– Какой странный гость...

– Вот ведь какой странный гость... – зашелестело среди придворных, передававших это мнение друг другу в соответствии с «Книгой о церемониале».

Тот, чьей должностью было принимать просьбы, как и предусмотрено правилами, вытирачил глаза и, шагнув к начальнику императорской канцелярии, начал многословно с ним перешептываться.

Начальник императорской канцелярии нерешительно почесал середину темени, из-за обилия всевозможных просьб и требований волосы в этом месте были у него довольно редкими.

Вдвоем они торопливо направились к логофету.

Логофет не был бы логофетом, если бы проявил поспешность и дал выход чувствам раньше, чем сделает это император. Выслушав их с холодным лицом, он послал за хранителем государственных запасов.

Хранитель государственных запасов явился почти бегом, развернул какие-то бумаги и, глядя то в них, то в потолок, принялся, бормоча под нос, что-то подсчитывать.

Патриарх изрядно смутился.

Наконец и василевс решил высказать всю силу своего изумления, ведь это было совершенно бесспорно – такого подарка еще не просил никто и никогда!

– Такого подарка еще не просил никто и никогда! – воскликнул один из придворных, всегда готовый выскочить вперед, первым подтвердить любую мысль владыки.

Но Сава стоял на своем. Если хотят сделать ему приятное, пусть прикажут снять окно, на которое садится ласточка патриарха, два окна, возле которых царицы провожают и ожидают своих государей, и окно, на котором отдыхает двуглавый орел самого василевса. А если хотят, чтобы он покинул их опечаленным, пусть в просьбе откажут.

– Престольная Никея богата окнами. Византия еще богаче. Без четырех видов из окон полнота такого горизонта не оскудеет. Кроме того, византийские окна среди земли рашской на многие годы обеспечили бы дарителю такой авторитет, о каком могут только мечтать в Риме и на всем Западе, – просил их Сава.

И тогда владыки, увидев возможность угодить Саве, не стали ждать другого такого случая (поперхнувшись при упоминании о Святом престоле) и тут же приказали прекратить суету и замешательство и распорядились снять указанные четыре окна.

Первая группа каменотесов отправилась в сад патриаршего дворца и сняла окно, на котором обычно отдыхала его ласточка. Окно размером с утренний щебет ласточкиной радости. Окно, вырезанное из красного мрамора.

Вторая прибыла в палаты императрицы и тихо, чтобы не разбудить ее, сняла те два окна, возле которых провожали в дорогу и ждали возвращения. Оба они были настолько же широки, насколько женщина в полдень боится одиночества, и настолько высоки, насколько женщина в полдень трепещет, ожидая встречи с любимым. Оба были вырезаны из голубого мрамора.

А третья артель мастеров по камню пошла к самой высокой в городе монастырской башне и сняла окно, на котором отдыхал императорский двуглавый орел. Окно такое же, как после-полуденный двукратный клекот, когда орел видит бегущую через поле ласку. Окно, вырезанное из зеленого мрамора.

Когда мулы с пурпурными седлами были нагружены, когда хиландарские братья получили на дорогу каравай хлебов и воду, когда вместо военного отряда во главу процессии были поставлены монахи с иконами Христа, Богородицы и святого отца Николая и когда настал час печального расставания, вселенский патриарх и византийский василевс расцеловались с Савой. Многократно пожелав новой встречи, патриарх Мануил дал сербскому архиепископу шкатулку с мощами святого Иоанна Крестителя, в которой находилась частичка его десницы. Разумеется, и император Феодор Ласкарис не захотел отстать от патриарха – подарил Саве перо ангела, которое до этого заботливо хранил в собственной боробе, как в киоте.

Стоял битинийский полдень с высоким солнцем, когда маленький караван торжественно проследовал через главные городские ворота и оставил за спиной хранимую от поражений и увенчанную славой Nikeю.

Стоял полдень, время дня, когда солнце теменем прикасается к небесному своду. Мария Куртенэ, третья супруга кира Феодора Ласкариса, пробудилась в своих покоях. И со страхом обнаружила, что нет окон, возле которых она сама, а до нее Филиппа, а до нее Анна Анджело, а еще раньше многие другие жены многих других мужей коротали долгие дни своей жизни, провожая и поджидая государей.

VI

Возвращение в землю отеческую, засада на распутье

Возвращение в землю отцов было воистину переполнено избытком почестей. Как Сава ни старался избежать их, предосторожности ради передвигаясь окольными дорогами, многие люди выходили ему навстречу – поклониться, приложиться к руке, высказать искреннюю радость свою или поздравить с тем, что он увенчал самовластием сестринскую церковь сербскую.

Тем не менее то, что не бывает путей, по которым можно пройти просто так, с легкостью, подтвердило происшествие на одном маловажном на вид перепутье. Дело было так. На этом месте, сказав, что ожидает его здесь с самой Пасхи, в ноги Саве ничком упал человек в широких одеждах, с лицом, скрытым капюшоном и тенью от него. Возвышенными словами прославляя мудрость его преосвященства, незнакомец обвил руками его колени, не давая архиепископу и сопровождающим сделать ни шагу вперед. Прошел весь день, наступила ночь, начало светать, петухам пришлось пропеть уже седьмой раз, а неизвестный упорно продолжал удерживать Саву, не переставая восхвалять его. И до того он хорошо говорил, что будь здесь, на распутье, какой другой человек, вовек бы с места не сдвинулся. Монахи расселись вокруг, восхищенно слушая его речи и не постигая, что их обьяло. И лишь Сава распознал сети засады. Он очнулся, сдернул с незнакомца капюшон, и все увидели, что под ним нет никого, совсем никого, что это просто пустая одежда, надутая по человеческому подобию голосом тщеславия. Она в тот же миг упала и клубком свернулась в пыли, распутье исчезло, а дорога стала прямой, такой, какой

и была с давних пор. И только в ближайшем селе братья узнали, что прошли через место, где пострадали многие, не сумевшие собраться с силами и вырваться из опасных объятий суетности.

А дальше один за другим выпрямились и другие пути по суше и по морю, и мягкое весеннее солнце привело путников в окрестности Салоник. Там Сава, как и в своем сне, на некоторое время остановился в Филокале, а потом продолжил путешествие в Жичу. И повсюду его встречали бесчисленными почестями и радостью. И по дороге, и в конце ее, перед воротами монастыря.

Здесь Сава передохнул после долгого пути и, еще раз восстановив в памяти весь разговор с отцом, решительно перекрестился и вместе с братом своим Стефаном взялся за завершение строительства притвора церкви Святого Спаса. С тем, чтобы разместить в верхнем его этаже катехумению. И там, в своей келье, врезать в стены те самые четыре окна.

VII

Всего, для строительства нужного, будет во множестве

Братья приходили часто, иногда целые дни проводили на строительстве. Причиной такого внимания была и их большая забота о деле, и то, что мастера возводили притвор, взяв за единицу измерения длину стоп Савы и Стефана. При строительстве все размеры должны были быть кратны этим двум меркам. Терпеливой стопе преосвященства соответствовали все измерения в длину. С крепкой стопой великого жупана соизмерялась любая ширина. Высота притвора определялась самим зданием Спаса. А оно в свое время строилось соразмерно высоте свода небесного над этим Богом хранимым местом.

Пядь за пядью стопы двух ктиторов.
Подвода за подводой песка с Ибара.
Старанье за стараньем главного мастера.
Бревно за бревном высушенных буковых бревен.
Молитва за тихой молитвой духовника.
Бадья за бадьей молочной извести.
Усилие за усилием плечистых мраморщиков.
Сталактит обтесанный за сталактитом нетесаным.
Отражение за отражением птиц поднебесных.
Кирпич за глиняным кирпичом.
За лучом нежного утра луч полуденный и предвечерний.
Колонна за колонной воздвигнутые.
Над колоннами свод за сводом выгнутые.
Знак креста за знаком креста.
Балка за балкой дубовые.
Отзвук за отзвуком голосов множества.
Плитка за плиткой, из свинца отлитые.
Отблеск за отблеском румяного солнца.

Все это, сначала грудями лежавшее во дворе, постепенно находило себе место в здании.

Не прошло еще и половины лета, а до конца всего-то и осталось, что одеть весь храм в пурпурную штукатурку. Не только из-за торжественности этого огненного цвета, но и для того, чтобы во время холодов не промерзла кладка из еще влажных сталактитов, доставленных из окрестных каменоломен.

VIII

Четыре стороны света и четыре главных направления времени

Когда церковь распоясали от лесов, Сава направился в свою новоотстроенную келью посмотреть в окна. Он хорошо помнил обещание, оставленное слепому старику, и внимательно следил за тем, чтобы окна катехумении не оказались одновременно приоткрытыми, а уж тем более распахнутыми настежь.

Через первое окно, то, на котором любила сидеть ласточка вселенского патриарха, Сава увидел все таким, как оно есть. Гнездо ласточки, монастырский двор, сосны, дубы, трапезную, кухню, кельи братьев, странноприимный дом, малую церковь, хлев, кузницу, кладовые, загоны для скота, пруд с рыбой и пасеку. Это было окно нынешнего.

Через второе и третье окна, те самые, возле которых ждали своих мужей византийские императрицы, Сава увидел то, что было, и то, что будет. Через второе смотрел он на события прошлые: как Фридрих Барбаросса троекратно целовал Стефана Неманю и как латиняне захватили и разграбили Константинополь. Через третье окно Сава смотрел на события будущие: как кто-то один из его рода ослепляет своего сына, другой заключает в темницу отца, а над страной его нависает зловещее облако неверных.

Наконец, через четвертое окно, то самое, на котором отдыхал двуглавый орел византийского императора, Сава тоже мог видеть все таким, как оно есть, но не рядом, а впереди, далеко-далеко. Таким образом он ясно видел, будто стоя собственными ногами прямо там, вдали, что делают подвижники в Вифлееме, сколько кораблей бросило якорь в гавани Дубровника и что находится вечером в тарелке венгерского короля.

– С верхнего этажа притвора церкви Святого Спаса не просто открывается вид на все четыре стороны света, этот вид простирается и по всем четырем главным направлениям времени, – говорил Сава рукоположенному игумену монастыря Жича. – Когда меня нет в покоях, хочу, чтобы ты каждый день наблюдал через одно из окон и, в зависимости от того, что там увидишь, принимал решение на благо братьев и всего нашего рода. Надеюсь, что вы ничего не перепутаете. В противном же случае да поможет нам Бог, ибо пути наши таким узлом завяжутся, что распутать их не сможет и сотое колено, считая отсюда.

И прежде чем отправиться в Студеницу, чтобы, как от него и требовал тот самый сон, в одиночестве подробно размыслить о других делах, боголюбивый Сава дал игумену Жичи на хранение шкатулку с частичкой десницы святого Иоанна Крестителя и перышко ангела, чтобы держал его в бороде, как в киоте. По милости Божьей архиепископ сербский Сава оставил игумену и еще одно знание, а именно, что за церковной службой он может наблюдать через пятое окно. Через то окно, которое после достройки притвора открылось из его кельи во внутреннюю часть Спасова дома.

Третий день

I

Игумен Григорий, три мастера, кефалия Величко и большая пыль

По прошествии более семидесяти обильных жатв весеннего лунного света, простагма на разработку которого была выдана монастырю византийским василевсом, то есть по прошествии более семидесяти лет от завершения строительства притвора, преподобный отец Григорий, пятый игумен Жичи, сразу же после утреннего богослужения направился в сторону катехумении, чтобы распахнуть одно из четырех никейских окон. Обязанность, которую Сава вменил управителям Спасова дома, была первым делом, которое они выполняли сразу после литургии. Так же и этим утром, только что соскользнувшим с покрытых росой склонов Столовых гор прямо в Светлый вторник, третий день Пасхи, отец Григорий принялся взбираться по каменным ступеням, которые вели к верхней келье и ко входу в башню над притвором.

Башня – колокольня Жичи – собирала в вышине, а лучше сказать, притягивала множество ветров. Дерзкие воздушные потоки время от времени спускались прямо в церковь Святого Вознесения, нанося видимый ущерб. И несмотря на бережно охраняемую густую поросль заветрин по нижнему краю небес, несмотря на то, что дверь колокольни старались открывать только в случае особой необходимости, а щели тщательно законопатили воском и смолой, вихри, поселившиеся в башне, уже освоились и внизу и превратились в разрушительную и безнадзорную напасть. От их засилия кое-где помутнели фрески, из них через трещины стала уходить живописная сила, со столбиков и обрамлений мраморного иконостаса начали опадать вырезанные в камне листья, глхнуть виноградная лоза, а из растрепанных книг стали бесследно исчезать титлы, потом буквы от аза до ижицы, затем все чаще и чаще целые слова и даже отдельные главы.

Игумен уже четвертую часть года, с самого начала зимы, нетерпеливо ждал прибытия греческого изографа, приморского резчика по мрамору и сербского дьякона. Именно настолько во времени опережала их великая молва о том, что они мастерски могут укрепить ослабленное, собрать развеянное и возместить утраченное. Вот почему старец с пером ангела в бороде, хранившимся там, как в серебряном киоте, торопливо поднимался в Савину келью. В тот день была очередь окна, открывавшего нынешнее вдалеке, окна, через которое преподобный надеялся увидеть приближение трех мастеров.

Достигнув этажа притвора, отец Григорий покинул лестницу, которая вела дальше, к дверям на колокольню. Келья Савы представляла собой просторное помещение, разделенное на девять частей четырьмя внутренними колоннами. Пол был из полированного камня, стены и ребристый свод расписаны ликами святых, но черты их исказили прикосновения ветров, залетавших из башни и сюда, и в храм. Кроме одной лампы и раскрытого Четвероевангелия, в котором слова удержались только благодаря богатым переплетениям заглавных букв, в катехумении не было ничего – ни священных сосудов, ни других предметов.

Итак, как и всегда до этого дня, игумен Григорий с радостью подошел к окну из зеленого мрамора, к тому самому, на котором, как говорит предание, во времена основания архиепископата отдыхал двуглавый орел византийского императора и которое было доставлено в Жичу на пурпурном выючном седле из самой Никейской империи. И сам старейшина, и другие благочестивые священнослужители, и все остальные братья вид из этого окна любили больше всего – именно оно давало им возможность без утомительного и опасного путешествия поговорить

с монахами других монастырей, и в Пече, и в Студенице, и в Милешеве, и в Бане, и в любом другом месте. Кроме того, отсюда они могли без труда наблюдать за отдаленными частями своего прихода, за собственностью монастыря, рассыпанной до самых берегов Скадарского озера, за всеми пастбищами и зимовьями на восьми горах, составлявших два дарованных церкви Святого Спаса извилистых хребта у самого подножья каменного города Котора... Правда, окно часто показывало и непонятные картины, например, в самом центре города где-то на Западе – механическое устройство, которое питается свежим временем, или нечто совсем противоположное – молчаливого китайского владыку, который в течение целого дня занимается перемещением трех одинаковых песчинок, или же холм, на вершине которого в огне берет свое начало река из растопленного камня, а то еще обитающего в пустыне зверя, такого большого, будто он размером в восемнадцать третей. Тем не менее в целом то, что они отсюда видали, служило пользе и братства в Жиче, и всего рода сербского.

Распахивая рамы из тисового дерева, отец Григорий подумал, что хорошо бы снова увидеть и архиепископа Иакова. Первосвященник с двумя пресвитерами, несколькими странствующими дьяконами и небольшой вооруженной свитой сразу же после благословенного праздника воскресения Христова по неотложной надобности отправился в Печ. (Отступая перед все более частыми грабительскими набегами с севера, центр архиепископата еще со времен Арсения Первого десятилетиями перемещался с места на место, пока не оказался далеко на юге, в этом достохвальном месте возле церкви Святых Апостолов.) Потом, надеялся отец Григорий, по воле Всевышнего увидит он и то, как изограф, камнерез и дьякон легким шагом спешат к воротам Спасова дома. Однако, к несчастью, вместо этого прямо в Савину келью над притвором ворвалось густое, как туман, облако пыли, такой, какая бывает, когда стая дроф раскапывает сухие холмики земли над кротовыми норами.

– Неужели снова восстанавливают стены Маглича? – утомленно пробормотал игумен, который из этого окна часто видел ближайшую к монастырю крепость – город над рекой Ибар, в неполном дне ходьбы для того, кому не мозолит ноги нежелание идти.

Как говорит и само имя города, его стены часто осаждали туманы и мгла. Да и построен он был не только затем, чтобы защищать место коронования и давать путникам и поденщикам прибежище на ночь, но и для того, чтобы было где передохнуть туману. Правда, честно говоря, отдыхать здесь туман даже и не думал. В течение всего года он жадно обглаживал верхушки городских стен, поэтому их приходилось время от времени чинить, заменяя поврежденные блоки из тесаного камня. Для проведения этих работ туман следовало на некоторое время отогнать, и поэтому на стенах выставляли направленные вверх колья с торчащими на них острыми крюками. Изгнанный таким образом туман оставался без насиженного места и в бешенстве клубился по окрестностям, разгневанно обгрызая всякий вид, открывавшийся взгляду любого существа. О таких днях глашатаи оповещали народ заранее, чтобы можно было подготовиться к нападению. Из всех окон тогда во все стороны торчали серпы, копыя, косы или просто кинжалы, вынутые из черных ножен. Два отряда стражников до окончания работ задерживали на подходе к городу все караваны, чтобы избежать возможных тяжб. (Как получилось с одним дубровчанином, *capitaneus turmae Damianus Gotius*, который требовал в качестве возмещения девять сотен либров гламского серебра за то, что *bestia* из тумана сделала его калекой *in lo regno di Rassa*, откусив ему шестой палец, незаменимый при торговле тканями, чтобы обмеривать покупателей.) После окончания ремонтных работ копыя с крюками убрали, и туман снова мог спуститься и хозяйничать в своем гнезде за каменными стенами.

– Эгей, Величко, прошел ли уж через ущелье Ибара архиепископ наш Иаков? – кричал отец Григорий, хорошо знакомый с правителем города, кефалием Величко как лично, так и посредством окна.

– О-го-го, Величко, не показались ли три мои мастера?

– Побойся Бога, Величко, что вы за пыль подняли, ведь это просто грех, неужели кроме как в Светлый вторник не нашли времени чинить городскую стену?!

– Что ж вы нам не сообщили, что надо будет защититься от тумана, который вы подняли над Магличем?!

Однако, несмотря на обыкновение тут же подавать голос, Величко не откликнулся. Вместо ответа в келью продолжали лететь сор и пыль, борода игумена посерела, голос осип, как будто его горло сжала рука жажды.

– Эй, Величко, опять вы за свое?!

– Разве вы не трепали туман прошлым летом?!

– И сколько же в нем всякой всячины?! Похоже, его никто не вычесывал с тех пор, как он поселился у вас!

– Ты только погляди, опять в дом Господень ваша пыль летит через окно нынешнее, далековидное! – кричал игумен так громко, как только мог, беспрестанно взмахивая руками и отряхивая рясу.

Тем не менее ни кефалия Величко, ни кто другой из города Маглича не отвечал. Если бы не завет Савы, отец Григорий наверняка захлопнул бы это окно и открыл другое, которое смотрит в утро более ясного дня. Но делать нечего, приходилось ждать, пока туманная пыль не уляжется и вид из окна не покажет то, что есть.

Надеясь узнать хоть что-то, преподобный смирился. И вот когда его глаза свыклись с болью, причиняемой сотнями соринки, вырисовались – сначала неясные – очертания великого множества людей.

А потом и первые отдельные силуэты.

Затем он смог разглядеть лица. А под конец и характерные черты пришельцев.

II

Во главе колонны

Во главе колонны, которая была видна через далековидное окно нынешнего, ехал верхом многострашный князь видинский Шишман. На голове его была шапка из живой рыси. Пятнистый зверь хрипло рычал. С тех пор как войско переместилось в Браничево, рысь передушила не один десяток скудоумных куропаток и простодушных рябчиков. Воротник на плечах и груди Шишмана был из пары жирных золотистых куниц, защищавших княжескую шею. Застежкой пояса из синего бархата была свернувшаяся клубком гадюка, один только Шишман умел разъединять ее зубы и хвост. На вытянутой левой руке, той, что натягивала уздечку, вниз головой, вцепившись когтями в кожаную перчатку, смазанную бараньим жиром, спокойно висел дремлющий цикавац. То ли птица, то ли призрак, создание это всегда выглядело по-разному, поэтому его было трудно описать, но стоило посмотреть на него – и глаза начинали гноиться, а кровь в жилах только что не сворачивалась. Правая рука видинского князя, та, что в железной перчатке, отдыхала на янтарной луке седла. Под седлом, украшенным серебром, со стремянами в форме медвежьих челюстей, шел вороной конь. Под его копытами раскалывались камни, тут же превращаясь в белую гальку, словно дорога была руслом вод Великого потопа.

Независимо от положения солнца, где бы ни находился Шишман, вокруг него расплывалась бурая, похожая на деготь тень. Окунешь в эту смолу лучину – будет гореть полным мраком на десять стоп вокруг даже в полдень в середине лета.

Рядом с Шишманом, как его левый глаз, на гарцующей белой кобылице, небрежно развалившись в седле, ехал куманский предводитель Алтан, громила с бритой наголо головой, воин, который мог даже казаться красивым до тех пор, пока улыбка не обнажит его зубы – все как один клыки. Из-за таких зубов любой звук, который он издавал, был резок и страшен, а ласковых слов он не знал вовсе. По дороге для забавы он то скрежетал зубами, и этот скрежет

подсекал под корень молодые кусты можжевельника, а то издавал крик, и тогда из крон грабов падали вниз птичьи гнезда.

Тень его была такой, что женщины в ней обливались горячим потом, а самые плодовые могли и забеременеть, соперники же Алтана покрывались ледяными горошинами страха.

С другой стороны, как Шишманов правый глаз, на рыжем коньке скакал слуга Смилец, мелкий, тщедушный, на голове его вместо меховой шапки с шелковым верхом была шляпа, украшенная бубенцами. Главной его чертой был злой нрав. Про него говорили, что он коротке с нечистой силой: с лихом, русалками, лешими, ведьмами и оборотнями, которые обучили его всем тайнам сглаза. От полуслова, размером не больше мушиного плевка, брошенного им между делом у входа на рынок, протухала только что выловленная дунайская рыба, в муке заводились черви или мушки, а бодро начавшийся день начинал гнить. В коварстве Смилецу не было равных. Стоило ему в Видине вечером плохо отозваться о человеке, живущем в Трнове, и всем на удивление утро тот человек встречал уже мертвым.

Тень его была кривоногой, затхлою, с неприятным запахом. Защити, святой Пантелеймон! Защитите, святые целители, бессребреники Кузман и Дамиан! Если тень Смилеца падала на беременную женщину, то не помогали даже молитвенные слова, написанные на животе, несчастная тут же заболела горячкой или рожала ребенка с дурным глазом.

III

Вокруг этой троицы

Вокруг этой троицы гарцевало и шагало множество стрелков, латников, легких всадников, знаменосцев, оружейных мастеров и просто вооруженных людей.

Где-то среди них был и механик, сарацин, обвитый бесчисленными складками своего одеяния, страстный любитель сладкого, с пальцами, вечно липкими от рахат-лукума.

Впереди поспешало несколько доносчиков и один человек, который при каждом шаге с силой бил в большой барабан, как ни странно – совершенно немой.

За этой людской массой следовала огромная толпа важных советников, водоносов, поваров, колчанщиков, оружейников, кузнецов, целителей и знахарей, яйцекрадов, сплетников и толкователей любых следов, которые то и дело останавливались, чтобы что-то исследовать и пропустить через решета своих познаний.

За ними, накрытые непрозрачным полотном, соблазнительно колебались носилки с темнокожими возлюбленными куманов. Было слышно, как глубоко они дышат, как устраиваются поудобней среди жарких подушек, как при каждом движении шуршит шелк, струящийся по их бедрам, однако приблизиться к ним в обход заведенных правил и порядков не давало неусыпное внимание голобородых скопцов.

В стороне от дороги, по перелескам и лесным опушкам, шныряло несколько сторбившихся искателей заячьего помета, темных коричневых орешков, которые, после того как их высушишь, горят слабым пламенем. Чтобы подкармливать свои тени, болгарам и куманам нужны были подходящие светильники.

IV

Два водяных чудовища, звоните в колокола

Такого страха игумен Григорий не испытывал с прошлой осени, когда из одного пруда для разведения рыбы монахи вытащили сеть с двумя водяными чудовищами. До сих пор ему не хотелось вспоминать, как они разевали рты, какими темными и склизкими, глубокими, как преисподняя, были их утробы. Один послушник тогда оступился да так и исчез навсегда без следа. Братья лишь на седьмой день сумели набить камнями разинутые пасти чудовищ.

Однако ни с чем нельзя было сравнить ту страшную опасность, которая грозила сейчас. Болгарские и куманские орды надвигались прямо на Жичу, и хотя они только что вышли из Браничева, через далековидное окно нынешнего было ясно видно – под монастырскими стенами они будут самое позднее через пять дней.

– Боже, око недремлющее, возри, – тихо вырвалось у отца Григория.

А затем, короткими судорожными восклицаниями, перемежающимися приступами страха, все громче и громче:

– На нас идут...

– Бейте в била и клепала...

– Бейте в колокола. Боже, спаси и помоги!

– Звоните в колокола!

V

Удар рукой по янтарной луке седла

Как раз тогда, когда раздалось призывы игумена, два молодых шпиона бегом приблизились к видинскому князю. Над верхней губой у них едва начало чернеть, а уши были пунцовыми и достигали плеч. Этот поход был для них первым. За поясом у каждого торчал пучок перьев птицы выпи. Ими они время от времени прочищали длинные извилины ушных раковин, чтобы яснее слышать.

Колонна свернулась клубком и остановилась. Вперед вырвалось лишь несколько резких выкриков и грубых ругательств. Когда бубенцы на шляпе слуги Смилеца успокоились, он высокомерно, несмотря на свой неказистый вид, бросил:

– Говорите, лопаухие! Князь слушает вас!

– Государь, похоже, что игумен из Жичи уже зовет на помощь! Мы слышали, хотя и очень издали, и не понимаем, как он нас мог обнаружить! – заговорили шпионы одновременно, всячески выказывая преданность, низко кланяясь и с трудом уклоняясь с одной стороны от обжигающего пара из ноздрей вороного княжеского коня, с другой – от смолистых капель его тени.

– Может, вам это почудилось? – проскрежетал куманский вождь.

– Или вы действительно слышали? – После этих слов Алтана путь к отступлению для двух доносчиков переломился на два равных никуда.

– Нам кажется, но Жича так далеко, и так много рек до нее шумит и много пшеницы до того места буйно зреет, да и у игумена совсем не самый сильный голос! – оправдывались эти двое, озираясь в поисках того, куда им деться.

– Вам кажется?! Что у меня за шпионы?! Может, вы забыли вычистить перьями пыль из ушей?! А может, вам зрение мешает?! Может, вы будете лучше слышать, если у вас его не будет?! – рассердился многострашный Шишман, хлопнул рукой по янтарной луке седла, и пестрая шапка из живой рыси, укрывавшая его голову, взметнулась в прыжке, нацелившись когтями в глаза несчастных.

VI

Чудо св. императора Константина и св. императрицы Елены, колокола звонят

Когда все войско остановилось, туманная пыль осела, и игумен Григорий из окна нынешнего далековидного ясно увидел, как рысь выцарапывает шпионам глаза. Сопровождаемый рычанием свирепого зверя, смехом куманов и криками жертв, преподобный ринулся к лестнице, ведущей из кельи на башню. Искаженное лицо игумена лучше всяких слов говорило

о том, что страх проник ему в самое нутро и теперь бьется там, среди внутренностей. Всего несколько шагов потребовалось отцу Григорию, чтобы достигнуть узкой двери колокольни, потянуть за тяжелую щеколду и, рискуя свалиться вниз или упасть лицом на ступени, начать взбираться по крутой лестнице, борясь с ветром, который, обезумев, стремился полностью завладеть храмом. В часовне колокольни, там, где Сава с миром в душе и молитвой обращался к Господу или советовался со смотревшими на него с фресок Феодором Студитом и Савой Иерусалимским, которым он старался подражать, бешеный порыв ветра чуть было не смахнул легкого, как лепесток, игумена обратно в притвор. Но тут произошло чудо. Отца Григория поддержали четыре разом протянувшиеся к нему руки – святого императора Константина и святой императрицы Елены, тоже изображенных на стене. Предстоятель монастыря Жича крепко ухватился за лестницу, а потом, добравшись до верха башни, вцепился в концы всех трех веревок.

– Братья! Беда! Несчастье! – кричал игумен, звоня разом во все колокола.

В маленький – обращаясь к братьям.

В средний – к правителю Маглича и люду из окрестных сел.

В большой – к Всевышнему, дать знать, что храм Его оказался перед началом конца.

VII

Другим для острастки отправьте-ка их в «ничто»

А далеко от монастыря, сразу по выходе из Браничевской области, два шпиона с обезображенными лицами, с кровавыми ранами вместо глаз видящих, заклинали:

– Смилуйся, господин! Вот сейчас мы ясно слышим! О милости тебя молим, пощади жизни наши, верни шапку себе на голову, умири рысь! Вот мы слышим, как в Жиче зазвонили колокола. Маленький собирает братьев, средний оповещает об опасности город Маглич, а большой помощи просит у Бога!

Многострашный видинский князь молча хлопнул рукой по янтарной луке седла, рысь замерла, потом прыгнула на голову князя и свернулась там клубком. Сам же Шишман прищипорил своего вороного, заставив его повернуться так, чтобы смола его тени упала на двух шпионов. Потом сухо приказал:

– Другим для острастки отправьте-ка их в «ничто»!

– Нет, господин наш, только не это! Пусть нас разорвут на куски, привязав к четырем кобылицам, пусть изрубят саблями, пусть задушат золотистые куницы! Заклинаем тебя всем, что тебе дорого, господин, смилуйся над нами, несчастными, накажи нас одной только смертью! – рыдая, умоляли шпионы.

Напрасно. Тот, чьей обязанностью в походах были казни, тут же двинулся от воина до воина, поднося к каждому пустой открытый мешок. И каждый, независимо от высоты своего положения, обязан был сдать все, что ему было известно о несчастных. Все. До последнего звука. Включая то, кем были их родители, какого цвета у них глаза, имеются ли родинки, над чем они смеялись на привале в лесу, что и где им снилось, кто в Видине ждет их возвращения... Наложницы из носилок добавили кое-что об их мужской силе, любовном трепете, даже вздохах. Собрали всё. Совсем всё. А сверху положили и сами их голые имена. Теперь больше никто не имел права упомянуть о них ни звуком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.